П. Р. ЗАБОРОВ

НЕИЗДАННАЯ ПОЭМА М. В. ХРАПОВИЦКОГО «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

Михаил Васильевич Храповицкий принадлежит к числу полузабытых русских поэтов конца XVIII века. До настоящего времени его биография почти не изучена, а творчество не осмыслено. Мало того, значительная часть им созданного нигде не собрана и даже не напечатана. Между тем и жизненный, и творческий путь этого «поэта-философа» представляет несомненный историко-литературный интерес. Независимый в своих поступках и суждениях, безразличный к наградам и почестям, он ненавидел светскую суету и прожил большую часть жизни в сельском уединении, лишь издали следя за политическими и литературными событиями и время от времени на них откликаясь. Вместе с тем в его творчестве с очевидностью отразились некоторые из новых для литературы XVIII века тенденций, в своей совокупности получивших впоследствии название русского преромантизма.

М. В. Храповицкий родился 17 сентября 1758 года в семье Василия Ивановича Храповицкого, «лейб-кампанца», возведенного в 1746 году в дворянское звание.[1] Старшим братом его был Александр Васильевич Храповицкий, с 1783 по 1793 год статс-секретарь Екатерины II и автор знаменитого «Дневника»;[2] сестра Мария Васильевна Сушкова была писательницей и плодовитой переводчицей, впервые познакомившей русского читателя с произведениями Мармонтеля, Дезульер, Мерсье, Петрарки, Мильтона, Аддисона, Юнга и др.[3] Именно под воздействием М. В. Сушковой, одной из образованнейших женщин своего времени, Храповицкий, по собственному признанию, уже в ранней юности пристрастился к чтению «хороших книг».[4] «Пристрастие» это он сохранил до конца своих дней, проявляя неизменный интерес к новинкам русской и западноевропейских (преимущественно французской и английской) литератур.

Свою литературную деятельность Храповицкий начал в четырнадцатилетнем возрасте[5] переводом комедии Карло Гольдони «Ворчун-благодетель», написанной на французском языке («Le bourru bienfaisant», 1771).[6] В следующем

---

[1] «Раут». Книга третья. Исторический и литературный сборник. М., 1854, стр. 139—140.

[2] Там же, стр. 125—138; Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III. СПб., 1847, стр. 503—508.

[3] Д. Л. Мордовцев. Русские женщины нового времени. Женщины второй половины восемнадцатого века. СПб., 1874, стр. 167—170; Н. Н. Голицын. Словарь русских писательниц. 1759—1859. СПб., 1889, стр. 241—242.

[4] «Раут на 1852 год». М., 1852, стр. 206.

[5] Содержащееся в автобиографии М. В. Храповицкого указание: «На 16 году я начал писать» относится, по-видимому, к его оригинальному творчеству.

[6] Благодетельный грубиян из театра г. Голдония. Перевел с французского Михайло Храповицкий. СПб., 1772.

году появляется другой его перевод — одноактная комедия Серу «Любовник, сочинитель и слуга» («L'Amant, auteur et valet», 1740).[7] Оба перевода были выполнены в классической манере и представляли собой типичный образец «склонения» иностранных сочинений на русские нравы: Жеронт — герой «Ворчуна-благодетеля» у Храповицкого превратился в Германа, Даванкур — в Мягкосердова, Анжелика — в Прелесту; персонажи комедии Серу — Эраст, Мондор, Люсинда, Лизетта и Фронтен оказались соответственно переименованными в Семила, Златогора, Постану, Дарью и Ивана и т. п. Благодаря переводам Храповицкого обе комедии получили широкую известность в русской читательской среде, в этих переводах — на протяжении многих лет — они с огромным успехом ставились на русской сцене.[8]

В 1780 году в «Академических известиях» была помещена обширная философская ода Храповицкого «Вечность» («О, цель всеобщая людей...») — одно из ранних свидетельств увлечения русских писателей «Ночными мыслями» Эдуарда Юнга.[9]

В последующие десятилетия Храповицкий почти ничего не публиковал; за время с 1780 года до смерти поэта (20 февраля 1819 года) в свет вышло всего лишь несколько его небольших сочинений: сатирический «Разговор уездных дворян о выборе в судьи» (1790),[10] ода «Весна» (1801), а также «Слово похвальное императрице Екатерине II» (1802).[11] Но писал Храповицкий много и притом в самых разных жанрах. Некоторые из этих «сочинений для себя» были в середине XIX века опубликованы племянником поэта Н. В. Сушковым. Тогда же появились в свет его автобиография и часть его эпистолярного наследия, в том числе и его любопытная переписка с братом. Ряд неизвестных материалов был также включен Н. Ф. Дубровиным в изданные им в 1883 году «Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I».[12]

Среди произведений Храповицкого, напечатанных Сушковым, наибольшую ценность имеет «Ода на достопамятное в России постановление о состоянии свободных хлебопашцев», в которой с отчетливостью проявилось отрицательное отношение поэта к крепостному праву,[13] и «философские раздумья» «Плод моего уединения» — своего рода дневник, в котором оригинальные рассуждения — в прозе и стихах — чередуются с выписками из всевозможных нравственно-философских сочинений.[14] Бренность земного бытия, «здешней жизни человеческой», людские страсти, пороки и добродетели, «цветы жизни сей» и «терния» ее, «слабость человеков», их нравственное достоинство и «должность» — такова постоянная тема этих рассуждений, во многом сходных с уже названной одой «Вечность», и, так же как и она, отчасти напоминающих стра-

[7] Любовник, сочинитель и слуга, комедия в одном действии, переведена с французского Михайлом Храповицким. СПб., 1773.

[8] Драмматический Словарь. М., 1787. стр. 25, 75—76. См. также: Е. Стронская. Гольдони на русской и советской сцене. В кн.: Карло Гольдони. Комедии, т. II. Изд. «Искусство». Л.—М., 1959, стр. 665—666.

[9] «Академические известия», 1780, ч. V, стр. 77—84.

[10] См.: «Русский архив», 1898, № 10, стр. 248.

[11] См.: «Русская старина», 1897, № 11, стр. 306.

[12] Н. Ф. Дубровин. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807—1829 год). СПб., 1883, стр. 5, 6, 20, 21, 69, 70, 128, 129, 191, 192.

[13] «Библиографические записки», 1858, т. I, стр. 373—378. См. также «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1858, т. II, стр. 183—184. По завещанию Храповицкого 260 принадлежавших ему крестьян с семействами были отпущены на волю. См.: Н. В. Варадинов. История Министерства внутренних дел, ч. II, кн. I. СПб., 1859, стр. 618.

[14] «Раут на 1852 год», стр. 225—259.

стный, исполненный глубокого драматизма монолог Юнга («Июнга», как писал в своей автобиографии Храповицкий).

В статье «М. В. Храповицкий и М. И. Сердюков», написанной на основе документальных материалов и семейных преданий, Н. В. Сушков сообщал, между прочим, о том, что в его распоряжении имеется несколько неопубликованных стихотворений Храповицкого. Полагая, что в большинстве своем они «по языку и, так сказать, пошибу слишком устарели, чтоб их печатать теперь, и могут разве пригодиться для истории литературы», он заключал статью следующими словами: «Душевно готов всякому, кто возьмется писать историю литературы, отдать все стихи Храповицкого, который, кроме од и элегий, оставил и довольно длинное стихотворение: „Четыре времени года", в роде Томсона и Томасса».[15]

Однако за истекшее столетие рукописное наследие Храповицкого так и не привлекло к себе ничьего внимания. Неизданной осталась и его поэма «Четыре времени года», насчитывающая без малого 1000 строк.

Поэма эта, по-видимому, создавалась на протяжении почти всей творческой жизни Храповицкого. Первые наброски ее относятся к 1777 году. Заключительные строки написаны в 1804 году. Однако возможно также, что вся поэма в ее окончательном виде была завершена позднее, а к 1804 году был создан только ряд более или менее самостоятельных фрагментов, впоследствии в нее включенных. Во всяком случае целиком поэма существует сейчас лишь в одном списке, который представляет собой беловую автографическую рукопись, судя по филиграни на бумаге (литерная часть ее — МОКФ Е. Б.: Московский округи Колпинская фабрика Елизаветы Баташевой; сюжетный элемент — герб Баташевых; цифровой — 1816), относящуюся к 1816 году или двум-трем последующим. По сравнению с первоначальными набросками в этом окончательном тексте имеется довольно большое количество разного рода изменений и исправлений.[16]

Поэма «Четыре времени года» была написана в период становления в русской поэзии так называемого дескриптивного (описательного) жанра. Этот процесс, обусловленный потребностями русской литературы, стремлением обновить русскую поэзию — пока еще в пределах классицизма — стимулировал, между прочим, усвоение аналогичного западноевропейского материала, появление русских переводов из Томсона, Геснера, Сен-Ламбера, Делиля и многочисленных подражаний им. Не без воздействия английской и французской описательной поэзии создавалась и поэма Храповицкого. О его знакомстве с «Временами года» Томсона, правда, ничего не известно. Но он не мог, разумеется, пройти мимо этого столь знаменитого произведения и читал его или во французском переводе г-жи Бонтан (1759)[17] или в русском переводе И. А. Дмитревского (1798).[18] Что же касается его интереса к Делилю, то об этом убедительно свидетельствует одно из напечатанных Н. В. Сушковым писем А. В. Храповицкого, относящееся, по-видимому, к началу 1800-х годов. «За слабостью глаз, — писал А. В. Храповицкий брату, — вы не хотели купить книг из моей библиотеки, но теперь требуете „L'homme des Champs", которую при сем посылаю. — Известны ли вам прочие поэмы Г. Делиля: Les jardins, sur la Pitié, sur l'Imagination?

---

[15] Там же, стр. 219.

[16] В настоящее время поэма хранится в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 323, папка 1353, № 14.

[17] О дескриптивной поэзии во Франции см.: Margaret M. Cameron. L'influence des «Saisons» de Thomson sur la poésie descriptive en France. Paris, 1927.

[18] См.: E. J. Simmons. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge, 1935, Ch. VII.

Деспро властительно надменным лиры звоном,
В искусстве для стихов соделался законом;
Виргилий же в полях учил нас чрез труды
Из медленных растить скорейшие плоды;
Но услаждению прелестному полями.
Как можно научить? могу ли я стихами
Внушенью наших чувств пределы предписать?
Спешу приятный вид натуры начертать,
Чтоб смертные себя красой ее пленили,
Умели постигать и, вразумясь, любили».[19]

«Приятный вид натуры начертать» — в этом состояла также основная задача М. В. Храповицкого — автора «Четырех времен года». Его поэма в большей своей части посвящена описанию природы «во всех ее пременах», иными словами, последовательно в разное время дня и года и вместе с тем изображению «жизни сельской» («Пишу жизнь сельскую, хвалю поля и рощи»), и особенно труда «счастливых поселян». Эта живопись, часто весьма колоритная, еще лишена, однако, конкретности и какой бы то ни было эмоциональной окраски. Выписанный порой довольно тщательно, пейзаж у Храповицкого — все же по преимуществу пейзаж вообще и притом пейзаж «объективный», не связанный с душевным состоянием поэта:

Уже ночную тень по малу освещает
Румяная заря, предшественница дня;
Веселый цвет ее день красный обещает.
Лучи, предвестники небесного огня,
Сугубый свет дают лазоревому своду.
Уже возносится горящий солнца шар,
И к чувству пробудя дремавшую природу,
С началом дня начнет творенью жизни дар.
Оставя птички сон, любезно голосами
По рощам и полям веселый шум чинят,
И утра пользуясь прохладными часами,
Взять пищу и себе и для птенцов летят.[20]

С другой стороны, в полном соответствии с требованиями дескриптивного жанра, эти картины природы служат постоянным поводом для философских раздумий и нравоучительных сентенций. Так, зрелище пробуждающейся весенней природы вызывает у поэта мысли о радостях и огорчениях любви, о «приятностях» супружества и «питании нежнейших чад» и в то же время о корыстолюбии, заставляющем человека жестоко страдать «и в самой лучшей части»:

Так все приятности натуры исчезают
И красная весна так зрится без красы,
Где страсти сильные грудь смертного терзают.
Они займут собой все дней его часы;
Они влекут к себе всех сил его стремленье;
Им слабый человек отверзту грудь несет;
Им мужественный дух явит сопротивленье;
Тяжелый хладнокров себя от них спасет;
Разумный различить одни с другими знает,
Умеет вредные в начале истребить,
Полезные принять и их питать желает,
Печется силу их с рассудком согласить;
Среди волненья их спокойством веселится,

[19] «Раут». Книга третья, стр. 157.
[20] ГБЛ, ф. 323, папка 1353, № 14, л. 144.

Чувствителен к страстям, но сам к себе не мертв;
С рассудком, с совестью для них не разлучится,
Им в дар не принесет дражайших оных жертв.

Искусный кормчий так спокоен пребывает
Несомый ветрами, качаясь на волнах,
На шум, на зыбкость вод с улыбкою взирает,
А робких спутников тревожит сильный страх.[21]

Вид садовника, спасающего «растенье нежное» от солнечного зноя, оратая, готовящего ниву к осени, селян, собирающих своим стадам «злак новый», побуждает поэта пропеть хвалу тем, кто трудится вседневно, чтоб «существо свое усовершить»:

Есть в жизни важный труд, есть должность в том трудиться,
Достойный смертного труд разума его;
К нему не тягостно, приятно есть стремиться,
И сладко плод вкусить старания сего.
Смесь качеств небо нам с рожденьем даровало,
В кругу несовершенств возможность лучше стать,
В ином излишество, иного нет иль мало.
Соблазн, пример, в разврат нас может низвергать,
Еще рассудка нет, предрассужденьем тмится
Ум нежный юности: в невинные сердца
Привычек вредных зло свободно вкоренится,
Несчастны можем быть от детства до конца.
Затем и надлежит себя познать стараться;
Из сердца своего пороки истребить;
С приятными страстьми, но вредными расстаться;
Дать силу совести, рассудок укрепить,
Душевных совершенств достигнуть сколько можно;
Достоинств истинных богатство приобресть;
Полезный, должный труд, который неотложно
Разумный над собой печется произвесть.
Тогда пусть счастие тебя достойно любит,
Богатством, силою и честью одарит,
Завидный жребий твой другого не погубит,
Но паче помощью даров твоих снабдит.
Когда в твоих руках блаженство всенародно,
Забудешь ли тогда употребить себя?
К творенью дел благих твой дух и сердце сродно
Презрят ли случаи утешить сим тебя?
Равно пусть рок тебя возвысить позабудет,
Ты знатен и велик достоинством своим;
С тобой рассудок твой, с тобою совесть будет,
Спокойство при тебе, блаженство купно с ним.
Приятно зреть себя трудящася вседневно
Над тем, чтоб существо свое усовершить,
И сладко чувствовать свидетельство душевно
Доброт в себе каких не может рок лишить.
Сие свидетельство собою превышает
Все льстивые венцы, свет кои может дать;
Гоненье, ни печаль его не погашает,
Ни время, ни болезнь не в силах перервать.[22]

[21] Там же, лл. 142 об., 143.
[22] Там же, лл. 146 об., 147.

Меланхолический осенний пейзаж внушает поэту восторженный «гимн надежде», которой всегда и везде живут люди, и его рассуждение о «правости» («О правость! сладкое в сей жизни состоянье...»). Наконец, картина «объятой хладом», уснувшей под «покровом белизны» и суровой к человеку зимней природы приводит его к оптимистическому заключению о целесообразном, разумном устройстве мира:

Нет, благость божия от нас не отвратилась,
Когда собрали мы кругом обильный плод.
Природа запаслась и вновь обогатилась
Взамен что убыло в минувший ныне год;
Пусть виды многие состарев прекратились,
Исчезли смертию иль яствой для других.
Вновь виды свежие, младые появились,
Сохранна связь вещей и тварей цепь живых.[23]

Такова, в основных чертах, эта поэма — один из характерных и значительных образцов русской описательно-дидактической поэзии конца XVIII—начала XIX веков, произведение, заслуживающее в дальнейшем научного издания в своем полном виде.

---

[23] Там же, л. 156 об.